Тьма окутывала его, как мягкий кокон, унося боль и страдания. Впервые за восемнадцать лет Гарри Поттер познал истинную тишину, где не было ни войны, ни смерти, ни мук. Он дрейфовал в пустоте, лишенный времени и пространства, растворяясь в безмятежном мраке. Но покой, окутывавший его, рождал в душе пустоту, а за ней – ледяной страх. Он был мертв, это он знал, но почему он был один? Где его друзья, его семья, те, кто ушел до него? Неужели они не ждали его, не протягивали руку? Или это была кара, наказание за то, что он не завершил войну, что позволил им умереть ради него, когда сам должен был погибнуть? Они сражались за него, ведомые его надеждой, а он предал их, погубив их веру. В этой войне была его вина. Если бы он не родился, его родители и все те, кто пал во второй войне волшебников, были бы живы. Он убил их, он был убийцей, и за это его никто не ждал. Он был один, заслуживая бесконечного дрейфа в кромешной тьме, вечно помня о своей вине. Он заслуживал страданий, не этого безмятежного покоя, который его терзал. И словно в ответ на эту мысль боль снова пронзила его тело. Он позволил ей вернуться, ведь это было то, что он заслужил. Он заслуживал мучиться вечно, искупая свою вину перед невинными душами, запятнавшими его руки. Боль вернулась, острая и жгучая, пронизывая его вены, и Гарри стиснул зубы, чтобы не закричать. Он не издал бы ни звука, он стерпит эти муки в тишине, как дань уважения тем, кто отдал за него жизнь. Он был им обязан, хотя бы этим. Но вместе с болью в его сознание вернулись и другие ощущения. Холодный ветер касался его лица, прохлада проникала в кости, твердая земля давила на голову, а на веках ощущалась липкость крови и слез. Эти ощущения боролись с его виной, заставляя его признать их, даже когда он чувствовал жгучий голод и жажду. Он был мертв, он знал это, яд, который ему дали, был смертельным, он убивал за пять часов, и от него не было противоядия. Он не мог выжить, но чувствовал тяжелое дыхание, стук сердца. С усилием он приподнял веки, сдерживая стон боли, когда смахнул с них засохшую кровь. Он снова закрыл глаза, когда яркий свет, ослепивший его после тьмы, пронзил зрачки. Он подождал, пока пульсация в голове утихнет, и осторожно приоткрыл веки. Свет был всё ещё ярок, но он смог различить высокую белую фигуру в развевающихся одеждах, стоящую перед ним. Гарри попытался встать, ведь это существо должно было быть божеством, и, помня уроки детства, он должен был преклонить колени. Но тонкая рука мягко вернула его на землю.— Лежи спокойно, дитя, — прозвучал мягкий, мелодичный голос, — Несмотря на то, что мы удалили яд, ты всё ещё сильно ранен.Гарри моргнул, сбитый с толку: он был мертв, как же он мог быть ранен? Это было невозможно, к тому же он не был ребенком. Раздался звонкий смех, похожий на перезвон колокольчиков, и Гарри растерялся, но этот звук его успокоил. В нем было столько доброты, что, даже зная, что он этого не заслуживает, он не мог не найти в нем утешение. — Дитя, ты больше не мертв, — мягко пояснил голос, отвечая на невысказанный вопрос, который крутился в голове Гарри, — Ты в Среднеземье. Гарри попытался задать вопрос, но голос его сорвался, отзываясь болью в горле.— Тише, дитя, — мягко приказал голос, в котором звучала озабоченность, — Не причиняй себе еще больше боли, позволь мне рассказать тебе то, что ты должен знать.Гарри моргнул, соглашаясь, уверенный, что это, по крайней мере, не будет болезненным ответом. Мелодичный голос продолжил:— Тебя привели сюда, чтобы ты обрёл надежду в грядущей войне и получил второй шанс.При этих словах разум Гарри отшатнулся. Он не мог сделать это снова, не мог быть спасителем, не мог нести на себе судьбу мира, он снова потерпит неудачу, он причинит боль людям, а он устал от войны, от бесконечной борьбы за выживание. Он не мог сделать это снова; они не могли требовать от него ничего другого, кроме этого. — Нет, дитя, — ворвался в его панику голос, — Ты не понял, бремя этой войны ляжет не на твои плечи — это удел других. Ты должен стать их надеждой, показать им, что тьма не всепоглощающая и что в небесах еще остался свет. Тебе даже не придется сражаться, если ты этого не захочешь.Гарри позволил панике улетучиться при этих словах, ему не нужно было сражаться, если он этого не хотел, на его плечах не было груза другого мира, но фигура ещё не была закончена:— И у тебя есть второй шанс обрести семью и детство, чтобы тебя защищали и лелеяли, как и должно было быть.Глаза Гарри расширились при этих словах: у него не могло быть семьи, он был уродом, причинившим им боль, а потом

его поразила фраза о детстве, и лицо его выдало замешательство: ему было восемнадцать, он был взрослым, как же у него могло быть детство?— Чтобы перенести тебя в это царство и справиться с ядом в твоей крови, нам пришлось изменить тебя. Теперь у тебя эльфийская кровь, и мы дали тебе понимание эльфийского языка. Ты стареешь медленнее и живешь дольше, чем полноценный человек: в детстве ты прибавляешь один год за каждые три, а во взрослой жизни — один за каждые пять, что дает тебе детство.На фоне яркого света Гарри показалось, что они улыбаются, затем они потянулись вниз и надели что-то ему на голову, после чего положили руку ему на лоб. — Будь в безопасности, дитя, твоя магия защитит тебя, а наша звезда направит тебя.Туманная дымка поглотила фигуру, растворяя ее в серой мгле. — Подожди! — отчаянно крикнул он, голос сорвался, а в горле защемило от боли, выжимающей из него слова. — Не оставляй меня!Фигура не остановилась, но в сознании Гарри отчетливо раздался голос: — Мы всегда будем присматривать за тобой.И фигура исчезла, растворившись в тумане. Гарри, прикусив губу от боли, медленно поднялся на ноги. Вокруг простиралась дикая местность: деревья и кустарник цеплялись за голые скалы, на многие мили не было ни души. Голод и жажда терзали его желудок. Он осторожно встал, прижимая к груди сломанное запястье, покачиваясь от ран, и с трудом подтягивал к себе рваные остатки мантии волшебника, ставшей ему слишком велика. Вдалеке послышалось легкое журчание ручья. Гарри, преодолевая боль, заставил себя идти: годы работы в саду у родственников, несмотря на полученные раны, закалили его волю. Он добрался до ручья и жадно напился, позволяя прохладной воде унять жгучую жажду и успокоить раны. Только утолив жажду, он впервые взглянул на свое отражение. В воде смотрел на него ребенок, не старше пяти-шести лет. Черные волосы слиплись от засохшей крови, по лицу, рукам и телу расплывались уродливые раны, красные и кровоточащие. Ярко-зеленые глаза, глаза его матери, смотрели на него, их блеск притупился от боли и страха. Рваная черная ткань, когда-то бывшая одеждой, теперь была лишь лохмотьями, висевшими на его маленькой фигуре, не скрывая неестественную худобу. На шее висело незнакомое ожерелье, мерцающее в отражении. Он опустил взгляд и провел пальцами по единственному амулету, висевшему на нем. Амулет был в форме звезды, слабо светился внутренним светом, и, несмотря на холодную полированную поверхность, от него исходило легкое тепло. Гарри почувствовал облегчение. Пусть он и находился в пустыне, в чужом мире, но он был не совсем один. Те, кто оставил его здесь, не бросили его совсем, как он боялся. Но эта слабая надежда угасла так же быстро, как и вспыхнула, столкнувшись с суровой реальностью. Он был один, беззащитный ребенок посреди дикой природы, без крова, без возможности найти еду, и к тому же раненый. Он не мог сделать себе убежище, слишком мал. Магия, истощенная борьбой с Волдемортом, не поддавалась его воле. Даже простейшие заклинания первого года обучения были ему не под силу. А ночь уже начинала опускаться. Гарри дрожал, натягивая на себя лохмотья в тщетной попытке согреться. Почему он оказался здесь? Почему снова был один, брошенный в чужой мир, где он никого не знал? Часть его разума шептала, что он заслужил это. Он свернулся в клубок, стараясь не причинять себе еще больше боли. Но большая часть его не чувствовала ничего, кроме страха и одиночества. Он тихонько зарыдал, как ребенок, не в силах сдержать слез. Плакал до тех пор, пока у него не осталось слез. На небе зажглись первые звезды. Гарри задрожал еще сильнее, прикусив губу, чтобы сдержать стон боли. Движение усугубило его раны. Вдруг он услышал звук, заморозивший его кровь. Несмотря на то, что он был всего лишь ребенком, оказавшимся в мире, совершенно непохожем на его собственный, его слух мгновенно различил характерный звук человека, легко ступающего по зарослям.

http://tl.rulate.ru/book/103154/3587781